

Воспоминания

О.А.Калкин

Из Печер на Печору (Из воспоминаний С.К.Сергеева)

Автор публикуемых воспоминаний - замечательный русский человек, боевой офицер, учитель, деятельный участник русского просветительского движения в Печорском крае в 20-30-х гг. XX в. Сергей Капитонович Сергеев. К сожалению, подлинных свидетельств беспримерной, почти жертвенной работы печорских просветителей в отрыве от России, в жестких условиях складывающегося эстонского моноэтнического государства сохранилось очень мало: старые, чудом уцелевшие фотографии, отрывочные, разрозненные сведения знавших их людей, сухие, протокольные записи в уголовных делах, сфабрикованных на многих из них. Политические репрессии, обрушившиеся на общественных и культурных деятелей Печорской земли в начале 40-х гг., не пощадили ни их самих, ни результатов их бескорыстных, поистине праведных трудов. Лишь немногим из них удалось выжить, да и тем оставшийся жизненный срок приходилось молчать, скрывая правду даже от родных и близких.

Думается, читателю нетрудно будет оценить редкость этих воспоминаний. Хотя записи С.К. Сергеева охватывают сравнительно небольшую часть его жизни (со дня ареста в сентябре 1940 г. до весны 1943 г., когда он уже работал на воркутинских шахтах), но и по ним можно судить о пре-

---

Калкин Олег Андреевич - член Союза писателей России (г. Псков).

красных чертах характера, которыми обладал их автор: глубокая порядочность, чувство собственного достоинства, редкое прямотушие. Будучи православным верующим, он даже в нечеловеческих условиях лагерного заключения сохранил высокие представления о нравственности, умение сострадать людям, бескорыстие и удивительно цельный взгляд на мир. Тут уже речь идет не только об индивидуальных человеческих качествах - по сути перед нами предстает облик целого поколения русских людей, прошедших сквозь огонь гражданской войны, испытавших горечь скитальчества на чужбине, но никогда, даже в самых тяжелых жизненных обстоятельствах, не отрекавшихся от своих духовных корней, от России. Здесь урок и нам, нередко чувствующим себя изгоями в собственной стране,

Немного о самом авторе. Родился Сергей Капитонович Сергеев в 1896 г. в деревне Гнилки, Островского у., в крестьянской семье. Окончил Псковскую учительскую семинарию. В 1914 г. был мобилизован в армию, по окончании Павловского военного училища в чине поручика воевал на германском фронте. Осенью 1918 г. записался добровольцем в Псковский стрелковый корпус белой армии, служил во 2-м Островском полку. За проявленную храбрость в боях с красными частями командованием армии был награжден именным се-

ребряным оружием. После тяжелого ранения находился на излечении в Юрьевском военном госпитале до окончания гражданской войны.

В начале 20-х гг. поселился в Печорском у., работал учителем школы в д. Сенно, Изборской вол. Во второй половине 30-х гг. за незнание эстонского языка был переведен в Шумилкинскую начальную школу.

С.К. Сергеев был деятельным членом Печорского учительского союза, а также Печорского культурно-просветительского общества, будучи гласным волостного собрания, активно защищал интересы местного русского населения от произвола эстонских чиновников.

В сентябре 1940 г. был арестован органами НКВД и осужден на восемь лет лишения свободы, освобожден из заключения в 1947 г. Умер и похоронен в Таллине в 1980 г.

Воспоминания С.К.Сергеева, любезно предоставленные его вдовой И.А.Отто-Ивановой, публикуются с незначительными правками.

«В ночь на 24 сентября 1940 года я был арестован в квартире своего тестя А.Р.Отто.¹ Во время ареста дома были моя жена, тесть, участковый врач Сеннской волости, и сынок, которому было 2 года 7 месяцев. Учителем я тогда в Шумилкинской школе Печорского района, но на летних каникулах с семьей жил у тестя на ст. Новый Изборск. Арестовывал меня Михаил Никитин из Печор. Из Нового Изборска меня на легковой машине отвезли в д.Кашино, где была моя квартира, а после - в арестный дом в Печорах. Там я пробыл двое суток, а потом был отправлен в г.Таллин, в Центральную тюрьму.

В Печорах меня допрашивал молодой русский следователь. Он был очень вежливый и все старался меня подбодрить, так как я переживал за жену и сына, оставшихся без мужа, отца и кормильца. На его вопрос о том, как я попал в белую армию, я ответил, что, бросив Псковский педагогический институт, добровольно ушел на борьбу с троцкистско-зиновьевской бандой. Следователь старался мне внушить, что для меня было бы лучше, если б я сказал, что попал в белую армию под давлением немецкого военного командования (Псков в то время был

оккупирован германскими войсками),

Перед допросом следователя я с Михаилом Никитиным, который арестовывал меня, заполнял анкету. Первый вопрос его ко мне: «В каких бандах Вы участвовали?» На это я ему ответил: «К вашему сведению, гражданин, я не бандит, а белый офицер, и ни о каком моем участии в бандах не может быть и речи». Он покраснел, как рак, но больше бандитом меня не называл. Умер он недавно, в начале 60-х годов, от рака желудка на пятьдесят четвертом году жизни.

Когда нас, арестованных, увозили из Печор в Таллин, на автомашине со мною ехали бывший капитан П.Г. Торандо, участница христианского студенческого союза Т.Е.Дезен², хозяин здания Шумилкинской школы Н.Н. Никифоров и его племянник.³

В Таллинской тюрьме мой допрос вел старший следователь Хаит, еврей. Молодой человек, но уже совершенно лысый, он сначала вел себя дерзко и грубо. Но когда на третьем допросе - вызывали на допросы как правило, только ночью - он выругался нецензурно, я ему сказал, что если еще раз услышу от него подобное, то подам жалобу прокурору. После этого он стал вежлив и больше уже не хамил.

В этой тюрьме я пробыл до начала апреля 1941 года. Следователь Хаит предъявил мне обвинение по трем пунктам: первое - монархист, второе - имел связь с Парижем и Таллином, третье - посылал антисоветскую литературу в Советский Союз. На первый пункт я ответил, что я - беспартийный, а своєю партией считал, считал и буду считать свою Родину и что если вы имеете у себя мой партийный билет, то прошу его показать.

По второму пункту я подтвердил свою связь с Парижем тем, что я около двенадцати лет выписывал журнал «Иллюстрированная Россия», а связь с Таллином заключалась в том, что я был членом правления Центрального Русского учительского союза и секретарем ревизионной комиссии этого союза, а также много раз избирался делегатом от Печорского уезда на ежегодные съезды Союза русских просветительских обществ Эстонии.

На третий пункт обвинения я ответил, что никакой антисоветской литературы я не посылал, а если вы имеете свидетелей, то устройте мне с ними очную ставку. Свидетелей Хаит, конечно, не мог найти, и, окончив следствие, он послал весь материал военному прокурору Прибалтийского округа.

В материале обвинения стояло несколько пунктов 58-й статьи УК РСФСР. Все пункты этой статьи военным прокурором были сняты, поскольку я, как офицер-доброволец белой армии, попадал под амнистию, объявленную Советским правительством в 1937 г.⁴ Военный прокурор направил мое дело комиссару Внутренних Дел ЭССР, от которого оно было послано уже в Москву, где «тройка» осудила меня по статье 7-й (СОЭ - социально-опасный элемент) на 8 лет исправительно-трудовых лагерей.

Там же, в тюрьме, в окно, я видел печорских учителей: Г.А. Батарина (умер в г. Кирове)⁵, Н.Н. Пенькина (расстрелян в июне 1941 г.)⁶, Н.И. Блинова (погиб в лагере)⁷.

В Таллине я сначала сидел в одиночной камере, построенной «по последнему слову техники». С угла на угол - пять моих шагов, водопровод, здесь же уборная, закрывающаяся плотным колпаком-ящиком. В камере стол, табуретка, кровать, откидывающаяся к стене. Подъем в 6 часов утра. Уборка и мытье пола. Завтрак в 8 часов, потом полчаса прогулки. Обед в 13-14 часов и ужин - в 19. Никто с вами не разговаривает, не дают ни книг, ни газет. На питание отпускалось 20 центов в сутки на человека (килограмм хлеба стоил 16 центов). Не густо, и с этой пищи не попляшешь. Хлеба давали 600 граммов. Но спустя месяц меня из одиночной камеры перевели в камеру, где нас помещалось пять человек - там разрешали выписывать из тюремной лавочки продукты два раза в месяц.

Сидели со мною в общей камере следующие лица: полковник Соо, бывший военный начальник г. Печор, пастор из г. Верро, которому было 75 лет, хозяин ювелирного магазина на ул. Суур-Карья (бывшая Б. Михайловская) в Таллине. В разговоре с полковником, который был командиром полка «Кайтцелийта» («Самозащита»), я выразил удивление по поводу неожиданного захвата Эстонии советскими войсками в июне 1940 г., так как в сентябре 1939-го был заключен договор о дружбе между Советским Союзом и Эстонией сроком на 10

лет.⁸ На это полковник Соо рассказал мне следующее.

В начале 1940-го г. в Тарту был дан банкет по случаю посещения университетского города премьер-министром Улуотсом и министром иностранных дел Эстонии Пийпом - оба были профессорами Тартуского университета. На банкете присутствовал и полковник Соо. Надо сказать, что профессор Пийп и полковник вместе окончили гимназию и, как школьные товарищи, на банкете сидели вместе. Во время разговора с министром Пийпом полковник Соо спросил его по поводу слухов, ходивших тогда в Эстонии, о том, что Красная Армия займет Эстонию, на что тот похлопал полковника по плечу и заверил, что он может спать спокойно все десять лет, пока действует договор. Этот сон окончился ровно через три месяца.⁹ Немного ошибся господин министр иностранных дел Эстонии - только на 9 лет и 4 месяца!

После заключения договора между Эстонией и Советским Союзом в сентябре 1939 г. лично Сталин прислал в подарок генералу Лайдонеру чистокровного белого жеребца с седлом и уздой, а Молотов, министр иностранных дел СССР, прислал 2 ящика бананов своему коллеге, господину Пийпу.

Полковник Соо был отправлен в Питер этапом, после его ухода в камеру пришел молодой солдат-эстонец.

У хозяина ювелирного магазина была отобрана большая сумма денег. Когда в камеру пришел надзиратель, чтобы выписать для нас продукты из тюремной лавочки, он гордо заявил ему, что у него более 5000 крон. Однако едва надзиратель, посмотрев в книгу записей, сказал, что у него на счету нет ни копейки, хозяин магазина совершенно окаменел, как жена Лота. У меня было 30 крон, и я ему выписал продукты за свой счет. Тяжело было смотреть, как он переживал свое разорение.

Дела у пастора были хуже. В Верро у него был большой каменный дом и крупная сумма денег в банке. Все это, конечно, было конфисковано, и ему лично не дали ни копейки. Мы ему сообщали покупали папиросы.

В камере был такой случай. Как-то, часа в 3 утра, привели к нам двух арестантов. Видно было сразу, что это бывшие военные и что они много перенесли горя после ареста. У нас в камере было пять кроватей: четыре заняты, а одна пустая. Один из

военных занял свободную кровать, а другого положили на полу. Я встал и отдал ему свой полушубок и подушку. Когда я возвращался на свое место, пастор поманил меня к себе пальцем. Я наклонился над ним, и он, обняв меня, поцеловал в щеку, сказав, что я настоящий христианин.

Утром вновь прибывшие не получили никакой еды. Я разделил свой завтрак на три части. Во мне все внутри клокотало: настолько я был возмущен черствостью эстонцев, их страшной жадностью и эгоизмом.

Один из военных был командиром бронепоезда в гражданскую войну, другой - начальником контрразведки штаба дивизии, которая стояла в Тарту. Он руководил отправкой шпионов в СССР - молодых и глупых людей, погибших из-за денег. Когда я спросил контрразведчика, о чем он все время думает, то он ответил, что боится, как бы за его службу он не был расстрелян. Дальнейшей судьбы его я не знаю, так как скоро его взяли из нашей камеры.

В Таллинской тюрьме я встретил трех своих учеников, которые служили в ней надзирателями: Скороходова из д. Паниковичи, Филюкова из д. Коломно и Орлова из д. Подпрамье. Орлов, увидев меня во время раздачи обеда, так расстроился, что

ложка задрожала в его руке. Я тихо его подбодрил, и он внешне успокоился. Вскоре он узнал адрес моей жены и явился к ней. Вызав ее на улицу, он передал ей все, что узнал обо мне, но просил хранить это в тайне. Жаль его очень - погиб в войну.

В начале января 1941 г. следствие мое закончилось, и я был переведен из Центральной Таллинской тюрьмы в женскую тюрьму, что на Тартуской улице. Попал я в большую общую камеру и пришел в нее в числе последних. Койки уже, конечно, были все заняты, и нам, оставшимся без коек, пришлось тащить билеты: кому спать на двух столах. Я выгадал выигрышный билет и спал на столе, как молодой греческий бог. В этой камере со мною были печеряне: дьякон П.В. Кудрявцев из д.Залесье, Ф.П. Адлер из д.Сохи, аптекарь Р.Я. Рейн из Старого Изборска.

В апреле нас погрузили в вагоны и отправили в Питерскую пересыльную тюрьму. В этой тюрьме я встретил учителя-печерянина М.В.Пимкина¹⁰, с которым пробыл вместе трое суток, а также Я.М. Шаховского¹¹ и помещика Дерюгина из имения Колосовка вблизи Старого Изборска.¹²

...Из Питера мы выехали в сторону Вологды, потом в Киров (Вятку), а затем повернули дальше на север, к реке Печора.»

Примечания

1. *Отто Альфред Робертович* (1888-1946 гг.) - врач, участник I мировой войны и белого движения. В 20-30-х гг. работал участковым врачом в Изборской вол.
2. *Дезен Татьяна Евгеньевна* (1901-1941 гг.) - общественный и культурный деятель 20-30-х гг. в Эстонии. Организатор и участница Русского студенческого христианского движения (РСХД) в Печорском крае. Расстреляна в июне 1941 г. по приговору военного трибунала.
3. *Никифоров Никанор Никандрович* и *Преображенский Ефим Татьянович* - уроженцы д.Грибули, тогда Островского у., служили в Качановском батальоне белой армии. Оба были осуждены на 8 лет лишения свободы и умерли в Карагандинском лагере в 1943 г.
4. Постановление Президиума ЦИК СССР от 27 июля 1937 г., согласно которому все бывшие офицеры белых армий снимались с особого учета.
5. *Батарин Георгий Александрович* - участник I мировой войны и белого движения; в 20-30-е гг. - учитель Городищенской школы, деятель русского просветительского движения в Печерском крае. Репрессирован.
6. *Пенькин Николай Николаевич* (1906-1941 гг.) - школьный учитель, организатор и руководитель Русского студенческого христианского движения (ВЗД) в Печорском крае в 30-х гг. Муж Т.Е. Дезен.
7. *Блинов Николай Иванович* - участник белого движения, заведующий Давыдоконецкой школы. Репрессирован.
8. Пакт о взаимопомощи между СССР и Эстонской республикой был подписан 28 сентября 1939 г.
9. Красная Армия вошла на территорию Эстонии в соответствии с соглашением, подписанным генералом армии К.А. Мерецковым и генералом Эстонской армии И. Лайдонером, 17 июня 1940 г.
10. *Пимкин Михаил Владимирович* (1894-1942 гг.) - педагог, общественный и культурный деятель, многие годы возглавлял Русское культурно-просветительское общество в Печорском крае. Умер на ст. Княж-Погост в Республике Коми.
11. *Шаховской Яков Михайлович* (1876-1942 гг.) - общественный деятель, до 1919 г. директор Псковского сельскохозяйственного училища. В 20-30-е гг. жил в Печорах, занимался агрономической деятельностью. Умер в ссылке в г. Ургенче в 1942 г.
12. *Дерюгин Владимир Михайлович* - один из трех братьев Дерюгиных, до 1917 г. крупных псковских землевладельцев, принявших деятельное участие в организации белого движения на Северо-Западе России. Умер в ссылке в 40-е гг.

А. В. Отто, 1916 г.

С.К. Сергеев, 1926 г.

С.К. Сергеев и И.А. Отто (1934 г.).

С.К. Сергеев (начало 1920-х г.г.).

С.К. Сергеев (второй ряд, 4-й слева) с учащимися Сенновской школы (Изборская вол.,) 1926 г.

С.К. Сергеев с женой И.А. Отго-Сергеевой, 1950 г.

Правление учительского Союза Печёрского уезда.
Сидят: Н.В. Валдисте (пом. председателя), А.А. Анисимов (председатель),
С.К. Сергеев (председатель).
Стоят: М.В. Пимкин (казначей), М.П. Щукин (зам. секретаря).
Середина 1930-х г.г.